

Цветочные войны

*Скатертью, скатертью хлорциан стелется
И забирается под противогаз.
Каждому, каждому в лучшее верится,
Но падает, падает ядерный фугас.*

Из студенческого фольклора

Век XIX был веком техники. В том числе техники военной — на поля битв пришли новейшие изобретения человеческого гения: броненосцы, подводные лодки, торпеды, скорострельные орудия. Все они требовали взрывчатых веществ, порохов, новых материалов, а производство взрывчатых веществ и новых разновидностей чугуна и стали требовало химиков. Химия еще глубже простерла свои щупальца в дела человеческие и подпортила собственную репутацию у широких масс.

Вместе с новыми войнами пришли и мечты о новых орудиях войны — эффективных и гуманных. Поначалу такими показались отравляющие газы. Пионером газовых войн в фантастике был, вероятно, Жюль Верн. В романе «Пятьсот миллионов бегумы» (1879) он вложил в уста «мрачного тевтонского гения» профессора Штирнера апологию такого орудия массового уничтожения: «Это снаряд-ракета из стекла в дубовой обшивке, заряженный под давлением в семьдесят две атмосферы жидкой углекислотой. При падении свинцовая оболочка разрывается, и жидкость превращается в газ. В результате этого температура в окружающей зоне понижается на сто градусов ниже нуля, и вместе с тем огромное количество углекислого газа распространяется в воздухе. Всякое живое существо, находящееся в пределах тридцати метров от места взрыва, должно неминуемо погибнуть от этой леденящей температуры и от удущья. Тридцать метров — это, так сказать, исходная цифра, на самом же деле действие снаряда охватывает, вероятно, значительно большую площадь, примерно сто, двести метров в окружности. Тут надо учесть еще одно благоприятное для нас обстоятельство, а именно то, что углекислый газ благодаря своей тяжести надолго задерживается в нижних слоях атмосферы, в силу чего охваченная его действием зона остается зараженной в течение нескольких часов после взрыва и всякое существо, осмеливающееся проникнуть туда, погибает. Как видите, выстрел из моей пушки дает двойкий результат — мгновенный и длительный! И при этом раненых не бывает — одни трупы».

В реальности углекислота оказалась малопригодной для боевого применения, хотя возможности химических снарядов «амьенский мечтатель» определил довольно точно. Более реалистично боевые отравляющие газы описал Герберт Уэллс. Нельзя не ужаснуться чудовищной точности, с которой он изобразил их в «Войне миров» (1898): «Ударившись о землю, снаряды раскалывались — они не рвались, — и тотчас же над ними вставало облако плотного темного пара, потом облако оседало, образуя огромный черный газовый холм, который медленно расползался по земле. И прикосновение этого газа, вдыхание его едких хлопьев убивало все живое.

Этот газ был тяжел, тяжелее самого густого дыма; после первого стремительного взлета он оседал на землю и заливал ее, точно жидкость, стекая с холмов и устремляясь в ложбины, в овраги, в руслу рек, подобно тому как стекает углекислота при выходе из трещин вулкана».

Кошмар газовой атаки описан человеком, не видевшим Ипра и Марны, Болимова и Икскуля: «Можно представить себе изумление и испуг при виде быстро разворачивающихся колец и завитков надвигающегося черного облака, которое превращало сумерки в густой осязаемый мрак: непонятный и неуловимый враг настигает свои жертвы; охваченные паникой люди и лошади бегут, падают; вопли ужаса, брошенные орудия, люди, корчащиеся на земле, — и все расширяющийся черный конус газа. Потом ночь и смерть — и безмолвная дымная завеса над мертвецами». Поразительно предвидение чисто военных аспектов газовой войны: Уэллс предусмотрел и то, что особенно эффективно газовое оружие будет в контрбатарейной борьбе, и дегазацию зараженных мест перегретым паром. По полям битв романа «расхаживали марсиане в своей сверкающей броне, спокойно и методически выпуская в тот или иной район ядовитые облака газа; затем они рассеивали газ струями пара и не спеша занимали завоеванную территорию».

Первая мировая война внесла коррективы в эту картину и расширила круг тех, кто стал пророком грядущей химической войны на уничтожение. Слишком много народа познакомилось с действием отравляющих веществ, слишком у многих были на слуху их наименования. Настолько на слуху, что некоторые прорвались даже в названия романов.

«(CHCl=CH)3As (Люизит), или Единственная справедливая война» (1926) — роман немецкого поэта Йоганнеса Бехера, за который его автору предъявили

Художник П. Перевезентцев

ХИМИКИ И ЛИРИКИ

обвинение в государственной измене, пропитан опытом Первой мировой. Здесь американские заводы, производящие люизит, выступают как символ всего западного мира, источающего яд. Превращенный в газовое болото Берлин, жертва применения химического оружия против собственного народа, предсказывает реальные катастрофы, которые ждут мир в будущем: недалеко — в Абиссинии, подальше — во Вьетнаме, в ирано-иракской войне...

Лихой авантюрный «Иприт» Всеволода Иванова и Виктора Шкловского нес на себе все родимые пятна «красного Пинкертона» и отпечатки когтей таланта двух соавторов. Его поспешили забыть — слишком не ко двору были масштабные, хоть и аляповатые панорамы мировой революции после 1929 года. Да и картины гибели советских людей в газовой атаке были слишком красочны: «Корчась и катаясь по плитам улиц, не успевшие забежать в дома, — под воротами, под мостами, в расщелинах зданий, со странной страстью животных: умирать, прислонив плечо к дереву или камню, — валились люди». В соответствии с духом эпохи участвующие в газовой войне массы обезличены: «Это воевали не люди, это воевали химические фабрики, и люди исполняли обязанности реактива на те или иные газы».

В «Освобожденном мире» Герберта Уэллса (1936) после десятилетий химической и какой угодно другой войны организация технократов (мы сказали бы — миротворцев) приводит к повиновению непокорные анклавы под властью главарей бандформирований с помощью усыпляющих газов. Но такое мирное применение химоружия было в межвоенные годы скорее редким исключением, чем правилом.

Химическое оружие и отношение к нему после Первой мировой войны стало пробирным камнем совести ученого так же, как после 1945 года — атомное оружие. В рассказе «Штеккерит» (1929), перепечатанном «Химией и жизнью» в 1987-м, немец-изобретатель смертоносного газа оказывается жертвой своего же изобретения и сполна переживает ощущения человека, попавшего под колеса истории и технического прогресса. Автор рассказа Владимир Орловский (Грушвицкий), кстати, был химиком-профессионалом, автором научных работ по галургии.

Запах герани как признак присутствия иприта упоминался Ивановым и Шкловским. Замечательный советский поэт Семен Кирсанов написал фантастическую поэму о будущей мировой войне «Герань, миндаль, фиалка» (1936), где обыгрывал смертоносные цветочные ароматы — миндалем пахнут цианиды, фосген — фиалками или свежескошенным сеном. Чудовищные ароматы новой войны оказываются бессильны перед ароматами настоящих цветов. Если бы все было так просто...

Страх химической войны, страх перед отравляющими газами глубоко проник в массовое сознание. Свидетельство — как ни странно, роман Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» (1927). В нем впервые применяется газовая граната — индивидуальное химическое оружие. Химическая война в кармане авантюриста, снижение апокалиптического до обыденного. Задолго до того, как спецслужбы взяли на вооружение подобные устройства, его описал писатель-фантаст. Когда в «Желтке яйца» Василия Аксенова агент ЦРУ применяет гранату с усыпляющим газом — это след Гарина.

На смену отравляющим газам в качестве оружия массового поражения пришло ядерное оружие, и, естественно, в фантастике произведений о химической войне стало гораздо меньше. Во вставной новелле «Чудовища Мар-Сийена» повести Николая Шагурина «Рубиновая звезда» (1955) упоминается последняя атака капиталистов на мир побеждающего коммунизма с помощью ракет — и радиоактивного в соответствии с духом времени газа, развеянного искусственным циклоном.

Однако самым выразительным произведением о подготовке к химической войне в конце XX века стала небольшая повесть венгерского писателя Лайоша Мештерхази «Великолепная рыбалка» (1973). Ее герой-рассказчик — разработчик смертельного газа, действие которого проходит через несколько часов, и зараженная местность перестает представлять угрозу для наступающих войск. Он увлечен рыбалкой, и чудовищные испытания его изобретения на людях вызывают у него лишь научный интерес — детали умирания одного из подопытных дают толчок для новой идеи, еще более совершенного оружия. Век расстанется с химерой по имени совесть...

**Владимир Борисов,
Александр Лукашин**